

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

**СИРИЙСКАЯ
СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ**

Исследования и переводы

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ
2000

Книга содержит исследования и переводы памятников сирийской средневековой историографии, выполненные известным отечественным ученым чл.-корр. АН СССР, профессором Н. В. Пигулевской (1894—1970). Автор нескольких монографий по истории Византии и Ближнего Востока, Н. В. Пигулевская известна прежде всего как уникальный специалист, внимание которого было сосредоточено на изучении сирийской культуры. Придавая важное значение сирийской исторической литературе, она предлагала посвятить ей специальное исследование, но не успела его подготовить. В книгу включены работы Н. В. Пигулевской, опубликованные ранее небольшими тиражами и в изданиях малодоступных. Объединенные в одном томе, они дадут новым поколениям ученых представление о сирийской исторической традиции, роль которой в историографии средневековья еще не оценена по достоинству.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 99-01-16183д*

ISBN 5-86007-218-X

© Н. В. Пигулевская, 2000
© «Дмитрий Буланин», 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сирийская историография является частью большой литературы, которая написана на сирийском литературном языке, сложившемся на основе центрального арамейского наречия семитской языковой группы. Она создавалась сирийцами-христианами, очагом культуры которых стало государство Осроэна со столицей в Эдессе (Урхе), возникшее в эпоху эллинизма в северо-западной Месопотамии. Исторические и географические условия способствовали распространению этой культуры не только по всей Месопотамии и приморской Сирии, но и далеко за пределами Осроэны — в Иран, Среднюю Азию, Китай и Индию.

Сирийская историческая литература представляет собой сложное неоднородное явление и включает сочинения различных жанров, охватывая период со II по XIV в.

К ней можно отнести как собственно исторические сочинения — хроники, описания истории отдельных регионов или тех или иных событий, так и другие памятники словесности, которые хотя своей первоначальной целью и не ставили «писание истории», однако вполне могут быть причислены к разряду исторических источников: это жития святых и патерики, исторические романы и описания путешествий, послания, гомилии и гимны на исторические темы и др.

Сирийская историческая традиция уходит своими корнями в первые века нашей эры. Известно, что Бар Дайсан, писатель и философ, живший в Эдессе на рубеже II—III вв. нашей эры, создал два исторических сочинения: «*Nurōmnamata Indica*» и «Историю Армении». В XIII в. сирийская литература пережила свое последнее озарение в творчестве писателя-энциклопедиста Бар Эбрея, прославившегося фундаментальной «Всеобщей историей» в трех томах. В этих пределах — от Бар Дайсана до Бар Эбрея, включающих собственно всю историю сирийской классической литературы, известен длинный ряд писателей-авторов исторических сочинений, а также несколько анонимных хроник.

Своеобразное явление сирийской историографии — городские хроники, такие как истории городов Эдесса, Арбела или

Карха-де-бет Селох, где отразились местные традиции и потому содержатся сведения об основании городов, их планировке, строительстве и событиях социально-политической жизни. Важно подчеркнуть в связи с этим, что городские хроники принято считать явлением, присущим позднему средневековью. В сирийской историографии они известны с VI в.

Как уже было замечено, к историческим источникам могут быть отнесены и сочинения иных, «внеисторических» жанров. С этой точки зрения многими учеными были использованы и высоко оценены сирийские памятники агиографии — жития, мученичества и патерики. Так, на основании мученичеств сиро-персидского цикла, включенных в сборник житий Маруты Майферкатского (V в.), немецкий ученый Г. Виснер, например, реконструировал во всех деталях ход судебного процесса над христианами. Н. В. Пигулевская в своей книге «Город Ирана в раннем средневековье» в качестве источника для исследования экономической жизни, в частности организации ремесленного производства и податной системы в городах средневекового Ирана, использовала эти же тексты. На основании патериков, представляющих сборники назидательных повествований о жизни христианского монашества, таких как «Книга начальников» Фомы Маргского (IX в.) и другие, Н. В. Пигулевская в труде «Культура сирийцев в средние века» смогла дать полную характеристику системы образования у этого народа.

Исторический роман в сирийской литературе представлен несколькими образцами. Наиболее значительным и интересным может быть признан так называемый «Роман об Юлиане Отступнике», написанный в Эдессе в VI в. неким монахом. Первая часть этого сочинения, от которой почти ничего не сохранилось, повествовала об императоре Константине и его сыновьях, вторая — рассказывает о Римском епископе Евсевии и его страданиях от руки Юлиана Отступника, третья — содержит историю Иовиана, ставшего после гибели нечестивого Юлиана императором Византийской империи.

Художественный вымысел в повествовании явно торжествует над исторической достоверностью. Однако этот и другие романы, как и агиографические тексты, могут дать хорошее представление об образе жизни, мышлении и чертах быта современников автора.

Гораздо более историчны сочинения типа «хождений». К таковым в сирийской литературе относится «История мар Ябалахи III и раббан Саумы», рассказывающая о путешествии двух монахов-несториан из Пекина в Багдад. Паломники, меч-

тающие дойти до Иерусалима, пересекли весь азиатский материк, а один из них побывал даже в Риме, Париже, Бордо и других европейских городах. «История» содержит богатый фактический материал о событиях на Ближнем Востоке в конце XIII—начале XIV в., о быте и верованиях различных народов, встречаемых монахами на их долгом пути.

Исторические сведения могут быть извлечены из, казалось бы, сугубо литературных форм: стихотворных гомилий, гимнов, поэм. Первым в ряду таких поэтических произведений следует назвать «Низибийские песнопения» — цикл стихотворений, посвященных сирийскому городу Низибии и соседним с ней Эдессе, Харрану и др. Они принадлежат перу сирийского поэта Ефрема Сирина (IV в.), значение творчества которого вышло далеко за рамки его родной сирийской словесности и его времени.

Начало изучению сирийской историографии было положено в середине XVIII в., когда один из сирийцев-маронитов Иосиф Симон Ассемани опубликовал наряду с другими сочинениями сирийских авторов в своей знаменитой Bibliotheca Orientalis «Эдесскую хронику», проанализировал текст, известный теперь под заглавием «Хроника» псевдо-Дионисия Телльмахрского, а также изложил содержание нескольких летописей XII—XIV вв., связанных с историей несторианства.

В конце XVIII в., благодаря изданию П. Брунса и Г. Кирша, ученый мир смог впервые познакомиться с «Сирийской хроникой» Бар Эбрея. Однако интенсивная работа по изданию сирийских исторических сочинений началась по существу лишь в конце XIX—начале XX в. За первую половину нашего столетия большая серия их была опубликована французским ученым Ж. Шабо в *Corpus scriptorum christianorum orientalis*. Он был причастен к изданию и исследованию хроник псевдо-Дионисия Телльмахрского, Илии Низибийского, Михаила Сирийца, анонимной хроники XIII в. Тогда же вышло несколько работ, посвященных отдельным историческим памятникам: «Эдесской хронике» (VI в.), «Хронике» псевдо-Иешу Стилита (VI в.), «Хронике» псевдо-Дионисия Телльмахрского (VIII в.) и др. В основном они имели источниковедческий характер, стремясь определить тот круг источников, который вошел в текст изучаемых авторов.

В России впервые сочинения историков-сирийцев трудами профессоров Санкт-Петербургской Духовной академии В. В. Болотова и А. П. Дьяконова были высоко оценены с точки зрения своей содержательной стороны. Опубликованные посмертно «Лекции по истории древней церкви» В. В. Болотова вклю-

чают раздел «Церковная история в Сирии», в котором собраны воедино краткие сведения о таких сирийских историографах, как Марута Майферкатский, Иоанн Эфесский, псевдо-Дионисий Телльмахрский. Фундаментальное исследование А. П. Дьяконова «Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды» было посвящено анализу жизни и творчества этого сирийского писателя и общественного деятеля VI в. Базируясь на сочинениях Иоанна Эфесского, А. П. Дьяконов развернул яркую картину монофизитского движения VI в. и показал значительную роль сирийского летописца в политических и церковных событиях того времени.

Однако русских ученых начала нашего века сирийская историческая литература привлекала прежде всего как ценный клад сведений для разысканий в области истории христианства, христианской церкви и догматики. Только в работах Н. В. Пигулевской (1894—1970), появившихся к концу 30-х годов XX в., сирийская историография заняла подобающее место в изучении как отдельных регионов и государств — Византии, Ирана, Южной Аравии, Закавказья, Средней Азии, Индии, Китая, так и в «решении общеисторических проблем социальной истории и истории культуры».

Н. В. Пигулевской переведены полностью и включены в исследовательский оборот «Эдесская хроника», «Хроника» псевдо-Иешу Стилита, части «Церковной истории» Иоанна Эфесского, *Хроники 1234 г., локальной «Хроники Кархи де бет Селох»*. Ряд монографий Н. В. Пигулевской, вышедших в 40—60-е годы и посвященных различным проблемам византийской и ближневосточной истории, — «Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э.», «Византия и Иран на рубеже VI и VII веков», «Византия на путях в Индию», «Города Ирана в раннем средневековье», «Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв.» — написан с привлечением богатого материала сирийских исторических сочинений.

Н. В. Пигулевская отметила две главные черты, присущие сирийской историографии, которые и делают ее своеобразным и незаменимым источником, — уникальность многих сообщений, неизвестных по текстам на других языках, с сохранением живых подробностей происшедшего, и отсутствие официозности по сравнению с параллельными греко-византийскими и арабскими авторами.

Круг введенных Н. В. Пигулевской в науку источников, написанных по-сирийски, до сих пор продолжает использоваться в исторических штудиях византинистов и ближневосточников, специалистов по истории Закавказья. Книги и статьи ее учени-

ков: А. Г. Лундина, А. В. Пайковой, И. Н. Лебедевой, Г. Л. Курбатова, Г. Г. Мелконяна, Р. А. Гусейнова, А. И. Колесникова, М. Б. Пиотровского, Л. А. Тер-Петросяна — многочисленны и известны не только профессионалам. Вместе с тем благодаря ее работам определились перспективы дальнейших изысканий по сирийской историографии, позволяющие выделить ряд задач, которые стоят перед исследователями в этой области знания.

Прежде всего предстоит продолжить работу по изданию сирийских памятников, еще до сих пор не опубликованных или опубликованных частично, и переводу их на доступные большому числу специалистов языки. До недавнего времени существовала практика, по которой имеющиеся в рукописи сочинения печатались не полностью, а лишь разделами, представляющими, по мнению издателя, интерес, более выгодными с точки зрения содержащейся в них информации. В таком виде, например, была опубликована «Всемирная история» автора VII в. Иоханнана бар Пенкайэ, являющаяся одним из ранних образцов сирийской всемирной хроники и уже поэтому представляющая интерес именно в полном объеме. Подобные фрагментарные публикации не могут создать целостного впечатления о памятнике и его авторе, методе его работы с источниками, не способствуют комплексному изучению текста.

Трудности, сопровождающие издание сирийских исторических сочинений, характерны для любой средневековой литературы и связаны с плохой сохранностью рукописей, отсутствием преемственной рукописной традиции. До нас дошло лишь незначительное количество произведений большой плеяды сирийских летописцев, о существовании некоторых из них, таких как Иоханнан бар Самуил, Даниил бар Моисей из Тур-Абдина, мы знаем только по упоминаниям их имен. Многие из памятников сирийской исторической словесности знакомы нам лишь по нескольким сохранившимся отрывкам. Однако сирийская историография обладает особенностью, характерной для большинства исторических сочинений эпохи средневековья, которая дает нам возможность судить о произведениях сирийских летописцев, не дошедших до нас. Она заключается в том, что историографы-сирийцы, составляя свой труд, инкорпорировали в него без изменений или, наоборот, с изменениями — сокращениями, дополнениями и другого рода обработками — наиболее значительные и интересные, с их точки зрения, сочинения авторов, своих предшественников.

Так, например, псевдо-Дионисий Телльмахрский при написании своей книги использовал: «Церковную историю» Евсе-

вия Кесарийского, «Хронографию» Юлия Африкана, «Эдесскую хронику» и сочинения псевдо-Иешу Стилита и Иоанна Эфесского, «Церковную историю» Сократа и «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, сирийскую «Александрию» и «Пещеру сокровищ», «Легенду о семи спящих отроках эфесских», «Послание» Симеона Бетаршамского и целый ряд других подлинных документов. Летопись псевдо-Дионисия Телльмахрского, в свою очередь, сохранилась в составе «Хроники» Михаила Сирийца, у него же обнаруживаются отрывки из «Хроники» Иакова Эдесского и других писателей.

Данное обстоятельство усложняет подготовку изданий сирийских исторических памятников, поскольку в этой работе должна приниматься во внимание не только прямая рукописная традиция конкретного памятника, но и ее косвенное отражение в рукописях последующих по времени сочинений.

С проблемой такого критического издания произведений сирийских историков тесно связан вопрос источниковедческого анализа и установление того круга текстов, которые вошли в сочинение того или иного автора. Исследование сирийской историографии с этой точки зрения осложняется следующим: сирийцы всегда были многоязычны. Помимо сирийского в доисламский период вторыми языками для них являлись греческий, латинский, среднеперсидский, армянский, после VII в. к ним добавился и арабский. С греко-византийской историографией сирийцы были знакомы как по переводам на сирийский, известны, например, переводы «Церковных историй» Евсевия Кесарийского и Захарии Ритора, так и в оригиналах. Установлено уже, что сирийцы, писавшие экклезиастики, использовали соответствующие греческие тексты Евсевия Кесарийского, Сократа, Феодорита Кирского. Следы греко-византийской историографической традиции можно обнаружить и в «Эдесской хронике», и в «Хронике» псевдо-Иешу Стилита, и в «Хронике» псевдо-Дионисия Телльмахрского. Н. В. Пигулевская во многих статьях отмечала насущную необходимость последовательной работы над сирийскими и греческими историческими сочинениями, их сравнительный анализ, необходимый для того, чтобы выявить не дошедшие до нас источники.

Важно подчеркнуть, что связь греко-византийской и сирийской историографических литератур не являлась односторонней. Сирийцы внесли существенный вклад в формирование византийской историографической традиции, многие выдающиеся представители которой (Иоанн Малала, Евагрий) были по происхождению сирийцами. Есть предположения, что отдельные византийские историки, например Феофан (VIII—

IX вв.), использовали сирийские источники в греческой редакции. Взаимодействие сирийской и греческой историографических традиций наблюдается при сопоставлении сочинений псевдо-Иешу Стилита и Прокопия Кесарийского.

Начиная с VIII—IX вв. с переходом сирийцев к арабскому языку намечается процесс взаимодействия сирийской и арабской письменных культур. Так, сирийский историк рубежа XI в. Илия бар Шинайя написал свой труд по-сирийски и по-арабски, расположив текст в двух параллельных колонках. «Хроника» Михаила Сирийца была переведена на арабский язык. «Сирийская хроника» Бар Эбрея была переработана автором для читателей-мусульман и им самим же переложена на арабский. Сирийцы Мари ибн Сулейман и Амр ибн Матта (XII в.) написали свои труды по истории несторианства по-арабски. В переводе на арабский язык известны и сирийские исторические сочинения более раннего времени, в частности исторический роман об императоре Константине и его трех сыновьях (VI в.), который излагают ат-Табари и Ибн-ал-Асир. Сирийцы способствовали развитию арабской историографии не только своими сочинениями, но оказались посредниками в передаче арабам общих принципов античной и греко-византийской историографии.

Вообще, изучение сирийского влияния в процессе возникновения и развития исторической традиции у соседей сирийцев — армян, арабов или других народов, включившихся в орбиту их культурного влияния, может стать темой не одного специального исследования.

Если со стороны содержания сирийские исторические источники уже по достоинству оценены и постоянно используются в научных разысканиях, то многочисленные вопросы, связанные с выяснением их отличительных особенностей, методов написания, формы, не только не разрешены, но даже еще и не поставлены. А именно такие проблемы в последнее время все больше привлекают внимание специалистов по средневековым историографиям, интерпретирующих с этих точек зрения византийский и западноевропейский материал.

В сирийской литературе не известны какие-либо произведения, излагающие теорию сирийской историографии. Тем не менее по высказываниям сирийских историков, разбросанным по страницам их трудов, можно уяснить отдельные принципы, которым они следовали или стремились следовать. Так, псевдо-Дионисий Телльмахрский критикует тех своих предшественников, которые, по его мнению, «писали свои истории кратко и

отрывочно, не соблюдая точности времени или последовательности событий».

Иоанн Эфесский, епископ-монофизит, извиняясь перед читателями за нестройный и беспорядочный вид своей «Истории», писал: «Большая часть этих повествований была написана именно в то время, когда гонение продолжалось, и среди затруднений, причинявшихся гнетом последнего, оказалась даже необходимость, чтобы друзья убирали листы, на которых были написаны эти главы, и все другие части сочинения и скрывали их в различных местах, где они иногда оставались по два или три года. Поэтому, когда встречались события, которые автор желал упомянуть, могло случиться, что он о них отчасти говорил прежде, но у него не было под руками бумаг или заметок, по которым можно было прочесть и узнать, были ли они описаны или нет. Если, следовательно, он не помнил, что внес их в свою книгу, то возможно, что как-нибудь позднее он снова приступал к подробному их изложению, и поэтому случается, что об одном и том же рассказывается не в одной главе, а в нескольких, даже и после он не находил времени для того, чтобы гладко и ясно изложить их в стройном рассказе».

Автор «Хроники» псевдо-Дионисия так сообщает о методе своей работы: «Мы объездили многие места, но мы не нашли ничего, написанного тщательно, но только кое-что. Также мы выслушали еще от древних старцев то, что они видели, мы пожелали собрать и расположить события одно за другим в таком порядке».

Его дополняет псевдо-Иешу Стилит: «Но то, что я сообщаю в этой книге, таково, что все люди, которые находятся в нашей области, засвидетельствуют, что это правда».

Из подобных высказываний можно видеть, что историки-сирийцы отстаивают фактографичность и правдивость описания, его связность. Следует отметить также, что при обильном использовании сирийскими летописцами столь разнообразных письменных источников, при изображении событий текущих или недавних они широко и охотно вставляли в свои труды свидетельства очевидцев, живые рассказы непосредственных участников событий, а зачастую — собственные наблюдения и впечатления. Поэтому их повествования несут на себе отпечаток авторской индивидуальности, содержат автобиографические черты и отличаются яркой эмоциональной окраской.

О каждом из сирийских хронистов можно сказать, что он вращался в гуще событий, писал о злободневных проблемах современного ему общества, часто расходясь в трактовке событий с официальной точкой зрения. Сирийцы солидарны с

византийскими историографами, проводящими в своих сочинениях «закон автопсии», по которому наивысшую ценность и смысл исторического повествования надо видеть в сообщениях свидетелей событий. Сирийские авторы выполняют требование и теоретиков античной историографии — Полибия, Дионисия Галикарнасского, Лукиана — писать на основании личных наблюдений и рассказов очевидцев, ничего не придумывая от себя, изложение вести последовательно.

От теоретиков античной историографии сирийцы в качестве основного принципа унаследовали и то, что всякое историческое сочинение должно преследовать прежде всего дидактические, назидательные цели. Так, уже цитированный выше автор «Хроники» псевдо-Дионисия пишет: «Но не огорчит избранных и богобоязненных, в один ли год или годом и двумя позднее (произошли события), но достаточно для богобоязненных, чтобы они видели наказания предшествующих битв, чтобы они отвратились от злодеяния, дабы и их не постигли такие же наказания».

Интересно проследить, как формировались и последовательно развивались в сирийской историографии перечисленные принципы, установить, прямой или опосредованной через греко-византийскую была роль в этом процессе античных теоретиков историописания. В связи с этим можно заметить, что о знании сирийцами античной исторической литературы свидетельствуют сохранившиеся в переводе на сирийский фрагменты Плутарха и Лукиана.

Особую тему в изучении сирийской историографии может составить разрешение вопроса об отношении сирийцев к хронологии и вообще ко времени в исторической литературе. Здесь они диаметрально расходятся с византийскими авторами, у которых современные исследователи обнаруживают отсутствие интереса к хронологии, пренебрежение ею, что принято объяснять тенденцией к обобщению и дидактике, когда уроки истории должны носить надвременной характер. Сирийские летописцы, напротив, сохранили идущее, вероятно, от архивных документов стремление к точной датировке событий. Эта черта вообще стала приметной особенностью сирийской письменной культуры: сирийские рукописи, как правило, датированы, иногда даже сразу по нескольким хронологическим системам, часто с точностью до дня недели, в который завершена переписка. Дату имеют не только излагаемые события, в рукописях, содержащих сирийские исторические сочинения, есть схолии, на основании которых можно установить не только их временные рамки, но и хронологию тех источников, которые в них входят,

причем выраженную не только цифрами, но и подтвержденную рядом синхронистических событий. Об исключительном внимании сирийцев к вопросам хронологии свидетельствует сохранившееся введение к «Хронике» Иакова Эдесского, в котором он детально обсуждает вопрос о хронологии канонов Евсевия Кесарийского и об ошибке в три года в его счислении. Сирийцы, видимо, одни из первых стали составлять хронологические таблицы, пример такой работы — «Хроника» Или бар Шинайи. Автор XII в. Симеон Шанклава по просьбе своего ученика составил пособие, объясняющее в вопросах и ответах различные эры.

Расходятся сирийские историографы с византийскими и в отношении к пространству. У византийских историков, строго подчиненных принципу автопсии, пространство ограничено, как правило, кругозором автора, горизонтом столицы, византийского императорского двора. Лишь писатели, участники военных походов, такие как Прокопий Кесарийский, имели возможность расширить географические рамки повествования. Сирийцы же, в силу многих обстоятельств, были мобильны, добровольно по торговым и миссионерским делам, а иногда и вынужденно в результате политических и церковных гонений, они отправлялись в различные концы тогдашней ойкумены, описывая все, с чем они познакомились. Почти о каждом сирийском летописце, начиная с Бар Дайсана, прибывшего, по преданию, в Армению и написавшего там историю этой страны, и кончая Ябалахой и раббан Саумой, прошедшими длинной дорогой от Пекина до Багдада, можно рассказывать как о путешественниках.

Некоторые сирийские историки сами сообщают о себе, что они вынуждены были вести бродячий образ жизни. Так, псевдо-Дионисий Телльмахрский пишет: «И мира или покоя я не имею на одном месте, но перехожу из селения в селение, передвигаюсь из области в область, длинными и тяжелыми переходами с остановками и поклонами у ворот правителей, с презрением и бесчестьем, связанными с этим».

Топография сирийской исторической литературы разнообразна и точна, что значительно повышает ее информативную ценность. В книге Н. В. Пигулевской «Культура сирийцев в средние века» есть составленный ею на основании «Книги целомудрия» Ишоденаха (XI в.) список из 39 наименований, содержащий перечень городов, селений и монастырей, в которых, по свидетельству этого автора, находились школы.

Важная проблема сирийской историографии, требующая своего разрешения, связана с вопросом о мировоззрении си-

рийских историков и о философии сирийской истории, определяемыми христианской догматикой. Интересно отметить, что принцип восточного православия, сформулированный в обобщенном виде Иоанном Дамаскином и трактующий соотношение свободы воли отдельного человека в исторических событиях и детерминизм этих событий, обусловленный догматом о всемогуществе Бога, о божественном провидении, занимал сирийцев уже во II в. Свидетельство тому «Книга законов стран», вышедшая из философской школы Бар Дайсана, и приписываемый ему диалог «О душе». Сложность изучения мировоззрения сирийских историков усугубляется их догматическими разногласиями, проявившимися в результате «христологических» споров, когда сирийцы разделились на несториан, монофизитов и мелькитов. Известны высказывания сирийских летописцев, в которых те охавают исторические сочинения своих предшественников, антагонистов по вере. Важно и интересно выяснить суть таких обвинений, определить, в чем и почему расходятся, например, несториане и монофизиты в трактовке одних и тех же событий.

Отдельную, специальную проблему при исследовании сирийской исторической литературы составляет вопрос об особенностях повествовательной манеры, стиля и композиции сочинений, которые наряду с познавательными и дидактическими ставили и чисто художественные, занимательные цели.

В этой связи следует подчеркнуть, что все упомянутые нами сочинения могут быть разделены на две большие группы: собственно исторические (хроники, летописи и истории) и те, которые, хотя и с оговоркой, все же принято считать в современном понимании скорее беллетристичкой: жития, патерики, исторические романы, а также разнообразные поэтические формы. Когда ученые-филологи анализируют средневековые сочинения второй группы, пытаются проследить процесс становления литературных жанров повести и романа, они не должны игнорировать при этом и чисто исторические тексты, ибо истоки беллетристики, отдельные ее элементы могут быть обнаружены и в кратких хроникальных записях, и на страницах исторических повествований. Свидетельством тому могут служить и яркое сильное описание наводнения в Эдессе, предшествующее погодным записям в «Эдесской хронике», и вставные, порой драматические, а порой и смешные эпизоды в «Хронике» псевдо-Иешу Стилита. О бесцеремонности готов, которые расположились на постой в эдесских домах, хронист не просто сообщает, а повествует с многочисленными и волнующими подробностями. Это уже не простая хроникальная

запись, а живой художественный рассказ, яркий и запоминающийся особенно потому, что автор сам был очевидцем событий. И не случайно, как показала в своем исследовании А. В. Пайкова, один из наиболее беллетризованных сирийских житийных текстов — «Повесть об Евфимии и готе» — столь тесно связан с «Хроникой» псевдо-Иешу Стилита, составляя как бы ее непосредственное продолжение.

Что касается второй группы памятников сирийской историографии (житий, исторических романов), то применительно к ним задача исследователя состоит в том, чтобы полнее использовать их в своих научных разысканиях. Если применение подобных текстов в качестве источников по социально-экономической истории все более широко, вслед за Н. В. Пигулевской, включается в научный оборот, то их использование для изучения культуры, быта, этнографии и т. п. еще не получило своего полного признания. Таким образом, историки, для которых свойственно в их работе обращать внимание на первую группу текстов, и филологи-литературоведы, имеющие дело, в основном, со второй группой памятников, должны объединить свои усилия при изучении сирийской историографии.

Н. В. Пигулевская неоднократно отмечала, что «сирийцы как историки сыграли большую роль, которая до настоящего времени еще не оценена во всей ее значимости». Придавая столь важное значение сирийской историографии, она предполагала посвятить ей специальный труд. Перед современной наукой со всей остротой стоит задача создания такого исследования, в котором было бы всесторонне освещено культурно-историческое значение сирийской исторической литературы. В ожидании подобного труда и в уверенности в том, что он непременно появится, мы предлагаем вниманию читателей книгу, в которой собраны работы Н. В. Пигулевской, касающиеся сирийской исторической традиции. Многие из них были опубликованы малыми тиражами и в изданиях труднодоступных в настоящее время. Объединенные в одном томе они не только дадут новым поколениям исследователей представление о Н. В. Пигулевской как об одном из виднейших отечественных историков нашего века, но и станут толчком к дальнейшим научным разысканиям.

Е. Н. Мещерская

СОДЕРЖАНИЕ	
Предисловие (Е. Н. Мещерская)	3
ИССЛЕДОВАНИЯ	
О сирийской рукописи «Церковной истории» Евсевия Кесарийского в Российской Публичной библиотеке	15
Эдесская хроника	21
Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник	32
Часть I. Введение	33
Хроника Иешу Стилита и ее автор	36
Источники хроники	43
Часть II. Исторический очерк Месопотамии V—VI вв. Общественно-экономические отношения	63
Город Эдесса и провинция Осрозна	63
Социальное расслоение деревни и города	68
Подати и повинности	83
Подати и повинности деревенского населения	83
Подати и повинности городского населения	91
Управление города и области	99
Местная торговля хлебом и цены	103
Часть III. Борьба между Ираном и Византией на рубеже V и VI вв.	121
Поход Кавада	136
Взятие Амида персами	142
Продвижение и походы Келера	163
Амид	170
Заключение мира	172
Сирийские источники по истории народов СССР	180
Введение	180
Историко-литературная характеристика сирийских источни- ков	185
Захария Ритор	185
Иоанн Эфесский	192
Среднеазиатские и прикаспийские области в V—VI вв.	212
Эфталиты	237
Борьба Ирана с эфталитами во второй половине V в.	243
Иран и эфталиты в VI в.	256

Содержание		759
Завоевания тюрков		269
Кавказ между Ираном и Византией		282
Гунны на северном Кавказе		282
Армения в восстании 570-х годов		293
Авары и склаваны		296
Свидетельства позднейших сирийских историков о славянах		310
Сирийские источники. Глава из книги «Византия и Иран на рубеже VI и VII веков»		322
Анонимная сирийская хроника времени Сасанидов		322
Михаил Сириец и его хроника		324
Фома Маргский		333
Хроника псевдо-Дионисия		334
Анонимная хроника 1234 г.		338
Первоисточники истории кушито-химьяритских войн (К истории тор- говли и дипломатии Византии на Востоке)		340
Послание Симеона Бетаршамского		349
Книга химьяритов		353
Жизнеописание Арефы		357
Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э.		361
История мар Ябалахи III и раббан Саумы		370
Введение в изучение памятника		370
Краткое содержание «Истории мар Ябалахи III и раббан Сау- мы»		371
Рукописная традиция, издания, переводы		377
Язык памятника		380
«История мар Ябалахи III и раббан Саумы» как литературный памятник		381
Автор «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы» и ее ис- точники		383
«История мар Ябалахи III и раббан Саумы» как исторический источник		387
Сношения монгольских ханов с западноевропейскими государ- ствами и роль сирийцев		397
Сирийская легенда об Александре Македонском		416
К вопросу о «письменных» народах древности		431
Законы химьяритов		436
Живая речь в сирийских средневековых хрониках. Историко-филоло- гические исследования		451
Сирийская хроника псевдо-Дионисия Тельмахрского и византийская историография		456

ПЕРЕВОДЫ

Эдесская хроника	468
Главы из «Церковной истории» Иоанна Эфесского	477
Хроника Захарии Ритора	544
Хроника Иешу Стилита	571
Из Хроники Михаила Сирийца	620
Из Хроники Дионисия Телльмахрского	621
Сказание об Александре Македонском	631
Из анонимной сирийской хроники 1234 г.	642
История мар Ябалахи III и раббан Саумы	677
Приложение. Список первоначальных публикаций работ Н. В. Пи- гулевской	756
Список сокращений	757

НИНА ВИКТОРОВНА ПИГУЛЕВСКАЯ

**СИРИЙСКАЯ
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

Исследования и переводы

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской Академии наук*

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректор *К. Д. Буланина*

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98

Подписано в печать 22.03.2000. Формат 60 × 84^{1/16}.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 47,5. Уч.-изд. л. 42.
Тираж 400. Заказ № 3714

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, С.-Петербург, 9 линия, д. 12

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург
наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net